

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5

ЧАСТЬ I. КАМНИ

ГЛАВА 1. ПОСТРОЙКИ ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО	13
ГЛАВА 2. ВЛАДИМИРСКИЙ УСПЕНСКИЙ СОБОР 1158—60 гг.	25
ГЛАВА 3. ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА ВЛАДИМИРА И ЦЕРКОВЬ ПОЛОЖЕНИЯ РИЗ БОГОРОДИЦЫ ВО ВЛАХЕРНЕ	74
ГЛАВА 4. ПОСТРОЙКИ В БОГОЛЮБОВЕ	93
ГЛАВА 5. ХРАМ ПОКРОВА НА НЕРЛИ	145
ГЛАВА 6. РОСТОВСКИЙ УСПЕНСКИЙ СОБОР И ДРУГИЕ ПОСТРОЙКИ ВРЕМЕНИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО	181
ГЛАВА 7. ОБСТРОЙКА ГАЛЕРЕЯМИ ВЛАДИМИРСКОГО УСПЕНСКОГО СОБОРА В 1185—88 гг.	210
ГЛАВА 8. ДМИТРИЕВСКИЙ СОБОР КОНЦА XII в.	244
ГЛАВА 9. НАДВРАТНЫЙ ХРАМ ИОАКИМА И АННЫ И УКРЕПЛЕНИЯ ДЕТИНЦА И СОБОРНОГО КОМПЛЕКСА	327
ГЛАВА 10. СОБОР ВЛАДИМИРСКОГО РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ	354
ГЛАВА 11. УСПЕНСКИЙ СОБОР КНЯГИНИНА МОНАСТЫРЯ	407

ЧАСТЬ II. ЛЮДИ

ИСТОРИЯ АРТЕЛЕЙ. ИСТОРИЯ ЗАКАЗА. ИСТОРИЯ ИДЕЙ	414
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ АРТЕЛЕЙ	423
Артели Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского	430
Артель Всеволода III	481
ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ ЗАКАЗА	536
Заказ Юрия Долгорукого	545
Заказ Андрея Боголюбского	567
Заказ Всеволода	638
ГЛАВА 3. ИСТОРИЯ ИДЕЙ	662
Идеи Андрея, Феодора и их сподвижников	675
Эпоха Всеволода	756
Дмитриевский собор	761
Текст Рождественского собора	840
Текст надвратного храма Иоакима и Анны	849
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ	855
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	868
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	918
УКАЗАТЕЛЬ ПОСТРОЕК	925
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ	932

«Мы — всего лишь карлики, сидящие на плечах гигантов; мы можем видеть больше и дальше, чем они, но не потому, что наше зрение острее, а телосложение лучше, а потому, что они поднимают и несут нас на своей гигантской высоте».

Бернар Шартрский (XII век)

«Господь сказал: “Мое имя — Истина”;
Он не сказал: “Мое имя — Обычай”».

Папа Урбан II (1042–1099)

ПРЕДИСЛОВИЕ

У разных книг случаются разные поводы для их написания. Если не ошибаюсь, поводом к написанию произведений Сервантеса и О'Генри явилось тюремное заключение их авторов. Меня, по счастью, чаша сия (тюрьма, но не книга) миновала. И повод для работы над этой книгой был скорее анекдотическим, чем драматическим.

Несколько лет назад, промозглым ноябрьским днем, я стоял перед храмом Покрова на Нерли и, притопывая от холода на месте утраченной галереи, демонстрировал компании гимназистов, среди которых были и мои дети, знаменитую реконструкцию Н. Н. Воронина, рассказывая о том, как изначально выглядел этот феерический памятник. И в этот момент я с ужасом понял, что не понимаю, как Н. Н. Воронин реконструировал перекрытие галереи. Разумеется, я с грехом пополам закруглил свою тираду сентенцией, что-де реконструкция есть всего лишь реконструкция и не может претендовать на безусловную истинность, но всю дорогу до Москвы меня мучила мысль: «Что это: я так плохо читал Воронина, или в его реконструкции кроется ошибка?» Вернувшись, я раскрыл том «Зодчества Северовосточной Руси» — и, по всей видимости, в первый раз *прочитал*, а не почитал его. *Последствия*, как сказала бы Татьяна Толстая, перед Вами.

* * *

Предпринимая настоящее исследование по следам Н. Н. Воронина, я чувствую необходимость объяснить свои мотивы.

С момента издания этой замечательной двухтомной монографии прошло уже 40 лет. Всего 40 лет — можно возразить. И все-таки — «ужё». Потому как на эти сорок лет пришлась грань эпох, грань, не так легко поддающаяся определению, но явственно ощутимая. Говоря о переломе эпох, я имею в виду отнюдь не тектонические — во всяком случае, такими они нам кажутся сегодня, — сдвиги в социально-политической сфере. Они, разумеется, важны, они явились результатом бездействия и действий людей (порой, одних и тех же), но не стоит забывать, что любые человеческие действия, — а ткань истории составляют именно и только они, — имеют в качестве причины человеческие же устремления, т. е. активизированные миропонимание, мировоззрение и целеполагание — *ментальность*, говоря современным научным языком. Именно здесь, во всяком случае — для интеллектуальной элиты, и пролегал истинный водораздел. И переворот этот начался гораздо раньше всех политических перемен и начался в умах людей. Мы научились понемногу думать самостоятельно, действовать или саботировать по своему разумению

(ох, не зря статьи в Уголовном кодексе звучат: «действие или бездействие...»), словом мы перестали верить на слово. И потребовали доказательств и аргументов. Это, конечно, еще не свобода, но дорога к ней начинается с этого шага. В науке — я, конечно, говорю о гуманитарных науках — требования аргументации, доказательности начали проявляться в полной мере уже с 70-х годов, с тем чтобы десятилетие спустя перевести многие из прежних трудов в разряд если не экспонатов кунсткамеры, то уж точно — в положение архивных раритетов. И даже не потому, что появились новые данные или аргументы, или же доказательства были признаны ошибочными — просто аргументов и доказательств (а не мнений!) в прежних работах было крайне мало или же не было вовсе. И устояли, не перешли в разряд древностей очень немногие исследования предшествующей эпохи.

Работы Н. Н. Воронина устояли.

И если сегодня, спустя такие 40 лет, мне представляется необходимым вернуться к теме и пересмотреть ее наново, то это отнюдь не говорит о «списании в архив» работы ученого. У предлагаемой вам книги есть подзаголовок (по сути, второе название): «Комментарии к двум книгам Н. Н. Воронина об архитектуре Северо-восточной Руси». Как мне кажется, это название — «говорящее»: комментировать можно только то, что остается актуальным, все-таки комментарий — это не некролог. Дань уважения и дань памяти, хотя они и питаются из общего источника признательности к предшественникам, суть разные вещи.

Предпринимая исследование, результатом которого явилась книга, лежащая перед вами, я отчетливо понимал, что тревожу тень великого исследователя. Но по мере работы, по ходу углубления в материал и в процессе настоящего прочтения текста Н. Н. Воронина, его великая тень все больше и больше материализовывалась, я все больше чувствовал в своем замечательном предшественнике живого и заинтересованного собеседника, если угодно — соучастника моих сомнений и размышлений. По разности в возрасте я с ним не был знаком — теперь мы знакомы. И я чувствую по отношению к нему глубочайшее, почти сыновнее уважение, признательность и любовь. Вот именно здесь я хочу быть правильно понятым: *я воспринимаю все то, что пересмотрел в выводах Н. Н. Воронина, как дань уважения и признательности Учителю*. У меня, по счастью, нет никаких сомнений в том, что он был бы рад, что его работа подвигла кого-то на самостоятельные мысли: никто, преодолевший в себе самом столько стереотипов, не может почитать свои выводы истиной в последней инстанции, и всякий, сделавший это, почитает истину выше обычая. Мне повезло: я видел своими глазами, как мой дед, замечательный ученый, ликовал, когда младший коллега обнаружил в его знаменитой работе не замеченные им самим возможности продолжения (и изменения) — суть дела была настолько интереснее и дороже личных амбиций, что о них даже не вспомнилось! Не сомневаюсь, Н. Н. спорил бы, искал и находил бы контр-аргументы — как я рад был бы такой дискуссии! — не соглашался, но был бы рад любому продвижению вперед. И уверенность в этом более всего поддерживала меня в работе над книгой.

Прошедшие сорок лет были временем разрушения множества табу, при этом многие из них вовсе не осознавались в таком качестве ни «носителями»,

ни «ниспровергателями». Этот процесс, подчеркну, — очень во многом подспудный — привел к существенно иному взгляду на мир и, разумеется, на историю. Н. Н. Воронин, как я понял и как постараюсь показать, не был посторонним в этом деле, напротив, он пристрастно допрашивал данные, представляли ли они собой *факты* или *мнения*, а если мнения, то «обыскивал внутрь сокровенная своя», следовало «признать их истинами или обычаями». И хотя именно такие люди и меняли времена, как и любой из нас, он не был до конца свободен от своего Времени. Многие табу, не будучи отрефлексированными в этом качестве, так табу для него и остались. Судя по тому, как трепетно Н. Н. Воронин относился к доказательности каждый раз, когда он обнаруживал проблему, у меня нет ни малейших сомнений: если какая-то существенная сторона вопроса им вовсе не затронута, значит он с ней разминусь не заметив, но не уклонился от встречи, обнаружив ее наличие. К сожалению, табу — не столько внешний запрет «*да и нет не говорите, черное и белое не называйте*», сколько внутренний «дальтонизм», мешающий увидеть черное и белое. Надеюсь, мы несколько свободнее, хотя бы благодаря тому, что стоим на плечах гигантов... Я предпослал этой работе две цитаты примерно из рассматриваемой эпохи. Они не исключают, но органически и причудливо дополняют друг друга. И взятые вкуче они полностью отражают мое отношение к Великим.

Н. Н. Воронин писал свой труд в героическую, эпическую эпоху нашей реставрации и историко-архитектурной науки. В эпоху, когда были не только мыслимы, но естественны такие реставрационные работы, как *воссоздание* практически заново завершенный Спасо-Преображенского собора Андроньевского монастыря или Духовской церкви Троице-Сергиевой Лавры. Работы по уровню вмешательства в памятник почти немислимы сегодня, если исключить златовратные приступы клинической самостийности или великодержавные христоспасительные «идеалы и интересы» (к реализации последних, не буду каяться, и сам приложил руку) ... Впрочем, если упоминать «исключения», то, боюсь, их список превысит перечень объектов, отреставрированных *по современным правилам*. И все же — не беру назад своих слов — хотя бы на уровне понимания и оценки идеология реставрации изменилась очень существенно: стыдливо *входить в положение и находить компромисс с интересами заказчиков* можно, но искренне утверждать правильность реставрационного макетирования (а ведь реставрация послевоенных лет чаще всего и была именно натурным макетированием) — нельзя.

Мы относимся к этой эпохе, отделенной от нас *всего-то* и *целыми* четыремя десятилетиями как к собственной профессиональной античности, классике — и в силу такого отношения — как к непреложному, почитаемому и оттого уже почти нечитаемому наследию. В лучшем случае отдельные освященные временем и традицией цитаты используются для подтверждения собственных выводов в качестве авторитетных отсылок.

Право же, труды наших Учителей достойны лучшей участи, чем стать просто складом цитат, вытаскиваемых на свет божий в качестве приличествующего украшения, своего рода брошки.

Но книга Н. Н. Воронина — действительно классика в самом высоком смысле слова. Более чем показательное, что за сорок лет никто ничего принципиально нового не написал на тему архитектуры Северо-восточной Руси. То есть, написано-то было совсем немало, но оно либо представляет собой более или менее добросовестное (менее или более беззастенчивое) изложение содержания комментируемой монографии, либо лишь до-монтировалось авторами с разной степенью органичности к зданию, воздвигнутому Н. Н. Ворониным, осмысливалось как «дополнения и улучшения» все к той же целостной парадигме восприятия владими́ро-суздальского зодчества, что утвердилась с изданием его работы. Говоря «целостной», я отнюдь не кривлю душой. Работа Н. Н. Воронина — и это существеннейшая составляющая ее многолетнего успеха — представляет собой сложную, тонко организованную систему, своего рода конструкцию, находящуюся в равновесном состоянии. Суждения автора по всему спектру затрагиваемых вопросов в ней старательно взаимоувязаны (что еще не означает, что все суждения и взаимосвязи безусловно верны); каждое из них скоррелировано с остальными выводами. Нельзя не признать: это единственный способ реконструировать целостный образ эпохи или явления. В этом его сила, но здесь же кроется и его слабость. По сути дела такой подход позволяет лишь частные дополнения, каковых — увы! — за прошедшие сорок лет было большинство. Чего он не допускает, от чего вся конструкция выходит из равновесия — это принципиально новых существенных выводов, не укладывающихся *точно* в рамки исходной конструкции. А ведь существенные поправки (даже если отбросить волонтаристские экзерсисы) за четыре десятилетия уже были внесены, ряд исследований или содержат существенно новые данные, или принципиально иначе отвечают на вопросы, поставленные еще Н. Н. Ворониным. Но, к сожалению, их авторы ограничивались лишь внесением локальных корректив, решительно игнорируя необходимость «прозвонить» всю цепочку последствий новых исследований для всей системы в целом (как правило, эти интереснейшие работы заключались разочаровывающими сентенциями типа «...но это уже тема другой статьи»). Да и в самой монографии при внимательном прочтении обнаруживаются внутренние противоречия — но обнаруживаются *теперь*. А из этого вовсе не следует, что они воспринимались в этом качестве сорок лет назад. Напротив, сорокалетнее признание труда Н. Н. Воронина как основы, каркаса любых исследований в этой области свидетельствует об обратном. Не свидетельствуют они и о недостаточной научной добросовестности Н. Н. Воронина (вот уж в чем он решительно не грешен!). Причина — в изменении менталитета, порождающем иные вопросы или новые повороты уже рассматривавшихся проблем, что также свидетельствует о смене эпох.

В этой связи мне представляется насущным новый *системный пересмотр*, ревизия *всей совокупности данных и суждений* по рассматриваемой теме. Наиболее продуктивным мне представляется несколько сместить точку зрения, осуществить известную перефокусировку взгляда с сугубо историко-архитектурного, так сказать, «технического» на более общегуманитарный. Именно поэтому в названии книги *люди* поставлены на первое место. Такая перефокусировка представляется

мне адекватной тенденциям современной историографии: тема «люди в истории» сегодня едва ли не самая актуальная. Но дело отнюдь не в следовании моде. Напротив, само появление этой «моды» свидетельствует о смене парадигм мировосприятия, особенно остро ощутимой в России, где весь «гуманитарный» спектр вопросов так долго оставался в тени мертвящих «производительных сил» и «производственных отношений», «базиса» и «надстройки» и догматически марксистских «законов исторического развития»! Так долго, что из истории *ушли люди*. С их возвращением на многое приходится взглянуть иначе, в том числе и встав на *их* точку зрения, увидев *их* проблемы и горизонты. А это уже приметно иные вопросы, новые методы допроса источников, сами по себе новые, с точки зрения рассматриваемой темы, источники (они могут быть и общеизвестными, но ранее не попадавшими в поле зрения исследователей этих конкретных проблем), наконец, новые данные, полученные в ходе исследований последних четырех десятилетий (говорю о них в последнюю очередь, поскольку они, возможно, далеко не самое главное).

По мере сил я старался идти именно таким путем. Вам судить, насколько мне это удалось.

Мне же остается предварить текст несколькими важными замечаниями.

Первое. Я назвал эту книгу «Люди и камни Северо-восточной Руси». Я хочу подчеркнуть, что не камни суть ее главные герои, вне зависимости от того, что это историко-архитектурное исследование. Честно говоря, мне не очень интересна архитектура сама по себе, мне гораздо важнее люди, говорившие ее языком о самом для себя существенном. И уже это смещение фокусировки — достаточное оправдание пересмотру темы.

Казалось бы, вопреки названию, я начинаю все же с «каменной». Но коль скоро основная моя тема — люди, камни суть лишь слова их речи. И разобрать эти слова, расслышать их, прочесть тексты, из них сложенные — единственная возможность разговора с людьми, ушедшими от нас в Иное. И разговора с Н.Н. Ворониным — тоже. По своему личному профессиональному опыту знаю: архитектура — дама словоохотливая, только красноречива она исключительно на своем языке. И я не знаю иного честного пути разузнать что бы то ни было о ее создателях, кроме как вычитать о них на языке их архитектуры. Поэтому первая часть книги — о «каменных» — о постройках. Это своего рода *текстологический анализ, внутренняя критика документов*, если придерживаться исторической терминологии. И только во второй части, уже на основании полученных результатов, я решаюсь говорить и об *истории архитектуры* (т. е. о процессе, о жизни, а не о памятниках), и о *людях, вершивших эту историю*, бывших ее субъектами. Я отчетливо понимаю опасности, связанные с искусственным разделением субъектов и процесса и объектов (и всеми силами стараюсь их связать друг с другом), но не без колебаний принятое мною разделение имеет под собой серьезные основания: история архитектуры Северо-восточной Руси представлена не единичными объектами, но *циклами построек, возведенными одними и теми же людьми*. И у меня есть основания полагать, что эти *циклы построек представляли собой связные Тексты, Слово* в их терминологии. Следовательно, и изучать их, и рассказывать о них нужно как о некоем целом.

Как я уже говорил, эта книга имеет подзаголовок. Классика — если она и в самом деле Классика — тем и хороша, что являлет собой целостный взгляд на предмет. И для корректного обращения к ее выводам сегодня необходимо выработать, высказать не менее целостную систему координат — только в ее рамках классическое произведение может быть прочитано (даже — перечитано наново), а не раздергано на несвязанные между собой цитаты.

Подобная ситуация уже случалась в архитектуре в эпоху Возрождения, когда творчество и теория античности вдруг снова стали эталоном, мерилем качества и целостности взгляда на архитектуру. И именно тогда вторую жизнь получили труды античных архитекторов. Я не оговорился — «труды», а не теоретические писания (да и были ли таковые у античности в чистом виде?). Тогда же, в частности, вторую жизнь обрели знаменитые именно с тех пор «Десять книг об архитектуре» Витрувия, вызвавшие поток «Комментариев».

Собственно говоря, заглавие монументального тома Витрувия, точнее — тома Комментариев к «Десяти книгам Витрувия об архитектуре» Даниэле Барбарро, стоящего у меня на книжной полке, и дало второе название настоящей работе. Так что наименование это, говоря словами С. С. Аверинцева, «жанровое». И жанровость его позволяет мне рассчитывать на снисхождение относительно объемов «Комментариев»: в конце концов, Даниэле Барбарро был даже пространнее самого Витрувия.

Второе. Я писал эту книгу, вопреки академической традиции, от первого лица единственного числа. И вовсе не от стремления выпятить себя любимого и потешить свое самолюбие. Просто, когда читаешь обороты типа «мы полагаем», решительно нельзя быть уверенным, что так полагает сам автор, лично автор, а не вкупе с неким Петром Ивановичем. Не говорю уже о приснопамятном «сложилось мнение» — у кого сложилось? Куда сложилось? И что с этим складом теперь делать? Я глубоко убежден, что, во-первых, негоже морочить голову читателю, кому-таки принадлежит высказываемое суждение (поэтому я свое мнение раскрываю от первого лица «я читаю», а в случае согласия с кем-либо из моих предшественников я систематически использую обороты типа «исследователь имярек считает... и я с ним согласен»), и во-вторых — и в главных! — за свои мысли и выводы надо отвечать самому и лично, не прячась за туман коллективности и безличные обороты. Как бы ни было страшно.

До некоторой степени мне здесь легче: я практик и для меня исследования не являются источником средств к существованию, который имеет свойство подозрительно быстро пересыхать в случаях излишней самостоятельности от научного начальства. И все равно страшно. Хотя бы потому, что отвечать приходится перед лицом своих предшественников и старших коллег, так много сделавших и еще больше задумывавших сделать. И, наконец, перед Господом...

И еще на ту же тему: я отказываюсь пользоваться оборотом «известно, что ...». И не только потому, что опять неясно, кому известно (об этой стороне вопроса я только что сказал), но еще более потому, что именно в момент произнесения или написания этого оборота проходишь мимо действительно важного. Общие места,

как я убедился, — самые опасные — и самые интересные! Это запертые двери. За ними может ничего и не быть, но как часто за ними открываются новые коридоры и галереи, новые пути исследования! Общепринятая очевидность — едва ли не самая подозрительная вещь. И самая интригующая. В конце концов, самое интересное начинается тогда, когда юная избранница Синея Бороды открывает ту самую запертую Дверь — без этого никакой истории попросту не случается: о «жить-поживать, да добра наживать» сказку не расскажешь.

Третий, очень важный, с моей точки зрения, момент. Я систематически не использую терминов «Древняя Русь», «культура Древней Руси», «древнерусское искусство» и т. п. (кроме как в цитатах и сносках на чужие работы, где я, разумеется, ничего поделывать не могу), но исключительно «средневековая Русь», «культура средневековой Руси», «русское средневековое искусство» и их производные. Это не просто терминологический вопрос — хоть горшком назови, только в печку не ставь! — называя Русь XI—XIII вв. «древней» мы неприметно для себя выводим ее за рамки европейского Средневековья. А такая операция небезобидна. Собственно говоря, западноевропейское Средневековье есть синтез античности (в ее римской версии), варварских традиций (по преимуществу германских) и христианства. Я совершенно сознательно не сказал о феодализме: для меня совершенно неочевидно, был ли «настоящий» феодализм, скажем, в Швеции, Шотландии или Испании (боюсь, что слишком ортодоксальное определение феодализма сузит приложимость термина до пределов части Франции и юго-западной Германии), но у меня нет сомнений, что говоря о Швеции или Шотландии XI—XIII вв., мы говорим о Средних веках. Да, Русь — и Северо-восточная Русь с ее, говоря словами И. Н. Данилевского, *деспотической монархией*, — не вполне соответствует «феодальным канонам», но она есть продукт все того же *средневекового синтеза* античности (в его греко-ромейской форме), варварских (здесь — славянских) традиций и все того же христианства. Да, конечно, античность здесь не субстратная, автохтонная, а наносная, заемная, но даже для Германии (не говоря уже о Швеции или Шотландии) ситуация ровно такая же. Разумеется, Византия — не Рим, но, между прочим, Юстинианов кодекс писался тоже не на берегах Тибра. Не спорю, христианство на Руси восточное, греческое, но так ли непреодолимо далеко оно разошлось к концу X в. с западным, римским? Или что, доньше почитаемый восточной православной церковью Мартин Исповедник вовсе не был Римским папой в не столь уж далеком от рассматриваемого времени VII в.? Словом, я при всем желании не в состоянии усмотреть каких-либо веских оснований тому, чтобы отказать Северо-восточной Руси эпохи Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо в праве почитаться страной средневековой. А вот причин, понуждающих признать Русь таковой, я усматриваю более чем достаточно. И в первую очередь — причин, лежащих в области культуры. Собственно говоря, эта книга во многом и посвящена взаимодействию этих двух — западного и восточного — «средневековой». Мне не хотелось бы предвосхищать выводы, но и не заявить о позиции я не считаю возможным. Поскольку без наличия этой принципиальной стадийной близости (при всех различиях, которые мною будут еще неоднократно подчеркиваться) такое явление, как зодчество

Северо-восточной Руси XII—XIII вв. не могло бы состояться. А без признания этой принципиальной стадияльной близости — не может быть понято.

Четвертое. Я отношусь к этой книге не как к подведению итогов, своего рода *Summa* (коль скоро речь зашла о Средних веках), но как к непосредственному исследованию, в ходе которого случается всякое — в том числе и полное переосмысление уже поллюбившихся и показавшихся такими убедительными выводов. И именно так я ее и старался написать. Притом сразу по двум причинам: во-первых, мне самому гораздо интереснее читать исследование-роман (исследование — фантастически увлекательное приключение), чем итог-назидание (и я позволил себе предположить, что не только у меня назидания «единственно верного учения» вызывают острые приступы аллергии), и во-вторых, потому что раскрытие кухни, обнажение хода мысли может натолкнуть кого-нибудь на новые идеи, позволит обратить внимание на упущенные мною возможности развития темы, в конце-концов, позволит поймать меня на некорректности выводов, буде таковые мною допущены.

Пятое. Обстоятельства принудили меня как-то изменить свою фамилию — и я прибавил к отцовской фамилию матери. Дело в том, что у меня есть полный тезка, Шаров Сергей Александрович, достаточно известный архитектор и тоже выпускник Московского Архитектурного института. При том, что разница в возрасте (мой тезка на 11 лет старше меня) с годами все больше стирается, нас стали постоянно путать. А мы, между тем, — совсем разные люди. И я посчитал необходимым «развестись». Как говорится, *настоящим имею заявить*, что являлся участником проектов, разрабатывавшихся в ЦНИИП Градостроительства в 1978—86 гг., проектов, выполнявшихся в НИПМ В/О «Союзреставрация» в 1987—90 гг., исследований и разработок, осуществлявшихся НПП «Симаргл» в 1991—2002 гг. и работ ЗАО «Компания «Адамант» с 2003 г.; мне же принадлежат исследования и публикации по истории Русского Севера, истории архитектуры и по вопросам охраны наследия. А вот в художественных выставках я никогда не участвовал и со скульпторами не работал.

Эту книгу я сам считаю низким поклоном всем моим предшественникам: без основания, сотворенного их усилиями я бы ничего не смог сделать. И мне очень хотелось бы, чтобы именно в этом качестве она и воспринималась читателями.

Я хочу высказать самую искреннюю признательность своим друзьям и коллегам, поддерживавшим мои исследования и оказавшим мне самое серьезное содействие: без их замечаний и советов многое получилось бы куда хуже. В первую очередь, сказанное относится к Е. Л. Хворостовой, взявшей на себя тяжелейший труд быть, по сути дела, первым оппонентом и редактором.

И, наверное, последнее — об адресации книги. То есть о том, что обычно обозначается как «для архитекторов и искусствоведов» или «для специалистов и всех, интересующихся историей русской культуры». Эту книгу я, пожалуй, адресовал бы «апофатически»: «Не для слабонервных». И все же я надеюсь, что *редкая* (боюсь) *птица, долетевшая хотя бы до середины Днепра* (вот уж, действительно — безумству храбрых!) сможет увидеть зодчество и людей Северо-восточной Руси *иными* — еще лучше: *своими* — глазами. А если у кого-либо возникнут возражения и желание разобраться *самому*, тогда я буду поистине счастлив, поскольку все, к чему я стремился, исполнится.